

УДК 821.162.3

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЮЖЕТНОГО АРХЕТИПА «ГЕРОЯ ПОНЕВОЛЕ» В РОМАНЕ МАКСИМА ЛЕО «ГЕРОЙ СО СТАНЦИИ ФРИДРИХШТРАССЕ»

Т.А. Шарыпина (Нижний Новгород, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Статья посвящена анализу трансформации темы объединения Германии и ее сопричастности к явлению «остальгии». Актуальность исследуемой темы связана с вопросом ассимиляции восточных немцев в объединенной Германии.

Цель предпринятого исследования – трансформация сюжетного архетипа «героя поневоле» в контексте метаморфозы феномена «остальгия» в романе Максима Лео «Герой со станции Фридрихштрассе» («Der Held vom Bahnhof Friedrichstrasse»).

Методология. Для осмысления специфики «творческой лаборатории» Максима Лео используются культурно-исторический, историко-литературный и биографический методы исследования.

Обзор научной литературы по проблеме. Осмыслению литературы объединенной Германии посвящены работы отечественных исследователей М.С. Потёминой, М.В. Бурхановой (Мазеновой), а также зарубежных авторов Д. Бойера, А. Геберт, М. Кауфмана, К. Консентино, Ю. Хардта, К. Шрёдера.

Результаты исследования. Изучен процесс медийного и политического конструирования реальности как важнейший элемент «постобъединенного» общественного сознания, представленный в романе Максима Лео на примере трансформации архетипа «героя поневоле».

Выводы. Исследовав трансформацию сюжетного архетипа «героя поневоле» в контексте метаморфозы феномена «остальгия» в романе Максима Лео автор приходит к выводу, что появление фантомных типов личности связано со спецификой определенного этапа общественного сознания, возникающего в период смены устоев государственной и общественной жизни. Автор статьи приходит к выводу, что опыт изучения феномена «остальгии», как и «преодоления прошлого», является сегодня одним из путей поисков новой немецкой национальной идентичности.

Ключевые слова: «остальгия», «литература после поворота» (*Nachwendeliteratur*), макроистория, микроистория, объединение Германии, «герой поневоле».

Постановка проблемы. В немецкой литературе последних лет проблематика, связанная с Объединением Германии, закончившимся к 1990 г., носит по-прежнему дискуссионный характер в немецком социокультурном пространстве и находит все более разнообразное и многоплановое выражение, приходя на смену упрощенным схемам, долгое время доминировавшим как в западном, так и в восточном дискурсе. По прошествии десятилетий единого взгляда на это глобальное историческое событие в Германии так и не сложилось, как не пришли к единому знаменателю глубинные культурные, психологические и ментальные отличия, сформировавшиеся за сорок лет разъединения страны.

Цель предпринятого исследования – анализ трансформации сюжетного архетипа «героя поневоле» в контексте метаморфозы феномена «остальгия» в романе Максима Лео «Герой со станции Фридрихштрассе» («Der Held vom Bahnhof Friedrichstrasse»)¹.

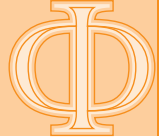
Методология. Для осмысления специфики «творческой лаборатории» одного из наиболее известных и читаемых немецких авторов эпохи «поворота» («Wende») Максима Лео используются культурно-исторический, историко-литературный и биографический методы исследования.

Обзор научной литературы по проблеме. В литературоведении как Германии, так и России, стремительно отреагировавшем на произошедшие социокультурные и общественные перемены, произведения, посвященные смене эпох в Германии, вначале объединяют понятием «Wendeliteratur», а затем «Nachwendeliteratur», ключевыми в котором становятся образ ГДР и проблема самоидентификации восточных немцев, остро ощутивших потерю не только родины, но и самой исторической памяти, приобретающей экзистенциальный характер осмысления национальной самоидентификации. Наиболее полно указанная проблема поднимается и анализируется немецкими исследователями М. Кауфманом [Kauffmann, 1994], Консентино [Cosentino, 2000], журналистами, писателями [Gebert, 1999] и в российском литературоведении М.С. Потёминой [Потёмина, 2007; 2014] и М.В. Бурхановой [Мазенова (Бурханова), 2020; Бурханова, 2022], в статьях которой поднимается проблема экзистенциального переосмысления, прежде всего бывшими восточными немцами, эпохи и процесса «поворота». Новые возможности, полученные после Объединения, не восполняют эти потери исторической памяти, о чем и свидетельствуют произведения Nachwendeliteratur. В этой связи в СМИ и критической литературе все чаще упоминают слово «остальгия». Эволюция в осмыслении политических и культурных последствий «поворота» весьма ощутима в художественном творчестве объединенной страны. Изменению подвергается само воспроизведение образа ГДР в различных документальных и художественных произведениях последних лет от критического его восприятия в начале эпохи «поворота» к «остальгическому» или нейтральному в современном литературном процессе.

Результаты исследования. «Остальгия» – психология памяти как культурный феномен самоидентификации, актуализацию которой связывают с именем немецкого артиста Уве Штаймле, выступившего с программой Ostalgie². Процесс этот очевиден также на примере творческой эволюции писателя Максима Лео (Maxim Leo, *1970) – журналиста и сценариста родом из Восточного Берлина, – удостоенного в 2011 г. Европейской книжной премии (European Book Prize)

¹ Leo M. Der Held vom Bahnhof Friedrichstrasse». GmbH.: Kiepenheuer & Witsch, 2022. 304 S.

² Уве Штаймле (Uwe Heinz Steimle, *1963) – немецкий артист кабаре и актер, создавший в 1992 г. нашумевшую программу **Ostalgie** («Остальгия»). Именно этот проект сформировал неологизм «остальгия» (нем. Ostalgie, от Osten – «восток»), отражающий ностальгию по социокультурной атмосфере ГДР.

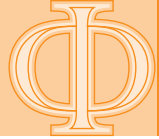
за имеющую автобиографическую основу книгу «Держи свое сердце наготове: история восточногерманской семьи» («Haltet euer Herz bereit: eine ostdeutsche Familiengeschichte»)³. Повествование Максима Лео в «Истории восточногерманской семьи», как и в романе «Герой со станции Фридрихштрассе» («Der Held vom Bahnhof Friedrichstrasse», 2022)⁴, лишено политической экзальтации, автор избегает как постмемориального травматизма, так и обостренной «остальгии». Максим Лео связывает противоречия и противостояние в судьбах своих дедов и героев следующего романа с историческими противоречиями самой Германии (и Европы в целом) в XX в.

Проблема формирования исторической памяти и ее соответствия субъективной памяти очевидцев становится ведущей и в романе «Герой со станции Фридрихштрассе». Писателя занимает индивидуальная судьба рядового человека, попавшего в водоворот глобальных исторических событий, в данном случае падение Берлинской стены. «Герой со станции Фридрихштрассе» – это книга, повествующая, как ненамеренный обман фантастически изменяет человеческую жизнь. Главный герой книги – ничем не выделяющийся человек, владелец убыточной видеотеки Михаэль Хартунг. Благодаря амбициозным планам журналиста Александра Ландмана, кстати, немца-переселенца из Казахстана, разыскавшего в архивах Штази сведения об «организаторе» бегства 127 жителей ГДР летом 1983 г. со станции Фридрихштрассе на Запад, происходит мгновенное перевоплощение бывшего стрелочника в легендарную личность. Ошибка – почти техническая, будничная – приводит к незапланированному отправлению поезда в Западный Берлин. Уже здесь задается важный ракурс. Хартунг не является ни диссидентом, ни лидером сопротивления. Перед нами «маленький человек», винтик в технической системе, неожиданно давшей непредвиденный сбой. Его поступок не вырастает из политического расчета. И уж точно не тянет на осознанный жест сопротивления. Скорее наоборот: Максим Лео настойчиво возвращает ситуацию к уровню человеческого фактора – сбой, случайность, нестыковка в системе. Лишь постфактум это событие начинает обрывать статусом «исторического эпизода», который требует фиксации, интерпретации, символического оформления и создания необходимого для этого события «псевдогероя», в данном контексте «героя поневоле». Пафос героизации здесь последовательно размывается. Несоответствие реального человека и навязываемого ему масс-медиа образам очевидны уже в начале процесса мифологизации. Сначала незадачливый владелец небольшого доходного предприятия отказывается от предлагаемой авантюры, но материальные возможности подталкивают его к обману. Статья Ландмана становится бестселлером, тем более что приближается юбилейная дата – тридцатилетие Объединения. «Герой поневоле» приглашен на телевидение, где он знакомится не только с выдающейся немецкой фигуристкой Катариной Витт, которая выступает соведущей

³ Leo M. Haltet Euer Herz bereit. Eine ostdeutsche Familiengeschichte. München: Karl Blessing Verlag, 2010. 271 S.

⁴ Leo M. Der Held vom Bahnhof Friedrichstrasse. GmbH.: Kiepenheuer & Witsch, 2022. 304 S.

в посвященной ему программе, но и с федеральным президентом. Однако автор, а затем и герой задаются вопросом, а стоят ли полученное благо и сомнительная слава той лжи, что возвели вокруг простого бывшего стрелочника? По сути, всех участников разыгравшегося фарса волнует вопрос о подлинном происшествии, случившемся тридцать лет назад на Фридрихштрассе. В живой занимательной форме и ироничной манере на примере незаметной заурядной жизни Михаэля Хартунга Максим Лео воспроизводит процесс рождения ложного героического политического мифа, «героя поневоле». Писатель логично переносит заинтересованность читателя с самого события на технику его интерпретации в социокультурном пространстве, принимающую символический характер. Подобный сдвиг фокуса позволяет показать, каким образом частная биография оказывается втянутой в производство коллективного нарратива. Для того чтобы информация была воспринята массой в нужном западногерманским политикам ключе, в масс-медиа произошедшее должно было иметь соответствующую эмоциональную атмосферу, включающую подготовку, напряженную кульминацию и идеологические последствия. Однако реальность, в которой «ошибка» не имеет героического содержания, выглядит слишком будничной и «непродаваемой». Поэтому Александр Ландман не столько фиксирует факт, сколько стремится его переработать: он ищет скрытый мотив, предполагаемую внутреннюю борьбу, намек на сознательное сопротивление. Лео показывает, что нарративный порядок конструируется не в соответствии с действительностью, а в соответствии с требованиями жанра и формата – теми правилами, по которым «история» должна быть рассказана. Медийная логика требует персонализации: событие должно иметь лицо. Случайность же лишена персонального смысла. Поэтому и начинается поиск «героического ядра»: журналист, а затем и создатели общественного дискурса в целом стремятся обнаружить признаки диссидентства, сознательной позиции, внутреннего сопротивления. Иначе говоря, миф здесь не столько «ложь», сколько социальный механизм смыслопроизводства. Не менее показательно и то, что интерпретация произошедшего в романе принципиально не заканчивается. Открытый финал подчеркивает: событие продолжает существовать в форме множества версий, а его смысл не стабилизируется окончательно. В этом контексте интересен и еще один образ романа, чья официальная должность или функция напрямую связана с формированием образов «героев поневоле». Специалист по протоколу и связям с общественностью Антье Мунсберг, работающая с «героем» Михаэлем Хартунгом. В тексте упоминается, что Антье и ее команда старались передать в речи Хартунга «специфический восточногерманский взгляд», чтобы создать атмосферу правдивости, хотя ей, уроженке Ольденбургской земли западной части Германии, это было достаточно сложно. Происхождение и семья Антье Мунсберг в романе намеренно не раскрываются. Это сознательный авторский прием: персонаж служит символом системы, которая конструирует «героев» и управляет нарративами. Ее профессиональная деятельность (манипуляции с архивами, подготовка речи, контроль над образом Хартунга) полностью вытесняет личную историю, подчеркивая тему

отчуждения и власти политических институтов над личностью. Антье не столько индивидуальность, сколько функция системы. Она воплощает механизм создания пропагандистских нарративов, который действует независимо от личных качеств исполнителя. Ее отстраненность от Хартунга (наблюдение через камеру, контроль вместо эмпатии) усиливается отсутствием «человеческих» черт, таких как семья или личные переживания. Ее безличность – метафора безличной машины власти. Писатель предлагает осмыслить то, как создается историческая память и каким образом трансформация событий помогает в формировании ложного героического мифа. Однако Максим Лео в своем произведении показывает читателю, что масс-медиа и добивающиеся успеха любой ценой журналисты могут использовать для своих целей и более «действенные» средства. Так, «разубедить» Михаэля Хартунга открыть общественности глаза на правду Александру Ландману помогает отсидевший пять лет в тюрьме за распространение наркотиков и вышедший на свободу брат Евгений, который жестоко избивает и запугивает желающего раскаться «героя поневоле». Писатель, показав свой вариант «героя поневоле», поднимает проблему создания политических мифов вообще и влияния лжи на их формирование в частности. Максим Лео рассматривает и анализирует мотивы, причины и результаты обмана, пусть и случайного, непреднамеренного, а также скептически рассуждает о значении современных медиа в процессе создания «героев и мошенников поневоле». В этом контексте значим эпизод, когда Михаэля Хартунга – «героя поневоле» – приглашают на открытие очередной мемориальной доски. Герой масс-медиа, у которого уже начался процесс прозрения, бросает фразу: «Мемориальные доски слишком окончательны. А вдруг однажды выяснится, что настоящая история была совсем иной?»⁵ Ответ дамы-историка Ариадны фон Шульценбург-Глохау звучит поистине многозначно: «Вы знаете, история всегда совсем иная. Она сложная, запутанная, противоречивая. В ней нет одной правды. Большинству с этим трудно смириться, людям хочется ясности и однозначности, хочется, чтобы история была логичной и простой, чтобы из нее можно было извлечь какие-то уроки. Для этого и придумали памятники и мемориалы <...>. Нам необходим рассказ о нас самих, иначе мы пропадем.

- И этот рассказ не должен быть правдивым? <...>
- Это миф, который помогает нам стать самими собой.
- И каков же миф восточных немцев?
- Таков, что они освободили себя от стен и колючей проволоки.
- А потом были съедены западными немцами...
- Сосредоточьтесь на первой части, в которую вы тоже внесли свой вклад, господин Хартунг <...>⁶.
- В конце концов, господин Хартунг, историю всегда пишут победители»⁷.

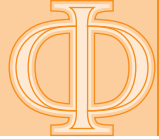
⁵ Лео М. Герой со станции Фридрихштрассе / пер. с нем. А. Приймак. СПб.: Polyandria NoAge, 2024. С. 178.

⁶ Там же. С. 178–179.

⁷ Там же. С. 180.

Максим Лео представляет читателю сам механизм выстраивания медиа-средствами исторической памяти и создания фиктивных героических личностей на пустом месте, доказывая читателю, как хрупка и прозрачна граница ложью и истиной. Писатель создает увлекательный портрет обычного человека, ставшего национальным героем наперекор своей скромности и своему желанию. Михаэль Хартунг – классический пример «героя поневоле». Бывший стрелочник-неудачник, не совершавший ничего героического, оказывается помимо своей воли вовлеченным в мифологизацию собственной личности. Максим Лео выводит в своем произведении инварианты так называемого фантомного типа личности, группы людей, стремящихся постоянно быть на виду, ориентированных на известность и претендующих на славу и безусловную возможность выражать общественную точку зрения. Подобные фантомные типы личности чаще всего появляются на крутых поворотах истории, в периоды глобальных перемен общественных и государственных структур, как это и случилось в Германии эпохи «поворота» («Wende»). Среди представителей фантомного западногерманского менталитета в анализируемом произведении можно увидеть несколько типов «героев поневоле», а также любопытного персонажа, постепенно приходящего к осознанию своего, возможно, ложного «героизма». Так, государственный чиновник высшего уровня, начальник «Центра документации неправового государства ГДР» Хольгер Рёсляйн всю сознательную жизнь и деятельность посвятивший разоблачению политической системы Восточной Германии, неожиданно через тридцать лет начинает втайне учить тюрингский диалект, поскольку осознает, что он родом из Айзенаха – Тюрингии, где когда-то жили его предки, его родители, впоследствии бежавшие на Запад, но так и не достигшие желаемого благополучия и счастья, всю оставшуюся жизнь тосковавшие по Айзенаху. Рёсляйн изучает историю Германии, чтобы разобраться, как «неправовое государство» (ГДР) разрушило его семью: мать вновь вернулась на восток страны, расставшись с его отцом. Пытаясь разобраться, как думается, прежде всего в собственной судьбе, Рёсляйн становится одним из лучших знатоков Восточной Германии, хотя во взрослом состоянии он так не побывал ни разу в родных местах. Посещение Айзенаха заставляет его переосмыслить многие события прошлого, и он внезапно «обнаружил, что истории, которые рассказывал ему отец, были лишь малой частью правды»⁸. В Рёсляйне росло желание примириться – с прошлым, с Айзенахом, с самим собой. Он больше не испытывал злости, больше не хотел мстить. Он стал «уставшим бойцом, жаждущим покоя». Таким образом, биография Рёсляйна – это история человека, который из радикального борца с прошлым постепенно приходит к осознанию сложности истории и желанию внутреннего примирения. Любопытно подана встреча Рёсляйна с бывшим подполковником Штази Фрицем Тойбнером, единственным человеком, знавшим правду о так называемом подвиге Хартунга. Писатель весьма правдиво показывает читателю,

⁸ Лео М. Герой со станции Фридрихштрассе / пер. с нем. А. Приймак. СПб.: Polyandria NoAge, 2024. С.125.

почему чиновник, всю жизнь служивший идее разоблачения «штазистов», поняв злую иронию псевдомифологической героизации Мартина Хартунга, чувствует подлинное уважение к своему «врагу», в 1983 г. участвовавшему в абсурдной ситуации с 127 «псевдоэмигрантами» из Восточного Берлина и в судьбе попавшего в «историческую» переделку несчастного стрелочника. Это приносит Рёсляйну неожиданное успокоение: «Уже давно у него на душе не было так легко и радостно. Почему никто никогда не говорил, как весело голым и пьяным купаться в Бранденбургском озере? С головой окунаться в ледяную воду, с раскрасневшейся кожей вылезать на берег и скорее бежать обратно в дом вместе с подполковником Штази, который перед отъездом накормил его бутербродами с ливерной колбасой и домашними маринованными огурцами»⁹. Максим Лео создает очень любопытный, отнюдь не отрицательный и не сатирический, а привлекательный в своей внутренней силе образ бывшего работника Штази: «А в самом конце дорожки, широко расставив ноги, стоял Тойбнер с голым торсом и полотенцем на плече. Рёсляйн направился к нему. Тойбнер не двинулся с места, ждал, когда он сам подойдет, и пристально следил за каждым его движением. Он совсем не выглядел на свои семьдесят восемь, и его грудные мышцы были как у десятиборца»¹⁰. Всем своим поведением Тойбнер показывает, что он по-прежнему может контролировать ситуацию – даже на пенсии. Внутренняя и физическая сила, его манера держаться, ироничный склад ума подтверждают, что его чистая совесть позволяет ему не бояться ни возможного обнародования правды, ни визитов государственных чиновников. На замечание Рёсляйна о том, что в сложившейся нелепой ситуации Хартунга лучше было бы оставить в тюрьме, он с достоинством отвечает: «Потому что ГДР была правовым государством, пусть вам и неприятно это слышать. Но у нас тоже были законы, и мы сами должны были им подчиняться»¹¹. Тойбнер успешно уходит от раскрытия какой-либо значимой информации о произошедшем. Его позиция остается незыблемой: прошлое должно оставаться прошлым. Общение с Тойбнером подтвердило мысль Рёсляйна о том, что «подвиг» Хартунга и последующие события в этой истории весьма неоднозначны. Противоречия в документах и уклончивость Тойбнера указывают на возможную фальсификацию или намеренное сокрытие фактов.

В своем романе Максим Лео создает целую любопытную галерею так называемых фантомных личностей, предоставляющих возможность создавать при определенных условиях так называемых «героев поневоле», востребованных в той или иной общественной ситуации. Г. Вишневский – так называемый восточногерманский правозащитник, активный деятель фонда «Против забвения», теперь борющийся за право произнести речь перед президентом вместо Хартунга

⁹ Лео М. Герой со станции Фридрихштрассе / пер. с нем. А. Приймак. СПб.: Polyandria NoAge, 2024. С. 165.

¹⁰ Там же. С. 151.

¹¹ Там же. С. 162.

в бундестаге. В момент откровенной беседы оба «мошенника поневоле» вдруг осознают, что похожи на персонажа из американского фильма «Тутси», вынужденного переодеться женщиной, чтобы иметь возможность сняться в фильме: «Думаю, мы все в каком-то смысле носим маски, чтобы нас любили. По большому счету я тоже всего лишь играл роль, прямо как вы. С одной только разницей – я этого не замечал»¹². На замечание Хартунга о храбрости, с которой Вишневский идет раздавать листовки, он замечает: «Я не был храбрецом, я был глупцом. Эти понятия часто путают, потому что храбрость и глупость зачастую приводят к одному результату. <...> Я хотел помочь кому-то, кто еще глупее меня. <...> Я вышел и не успел ничего сделать, как меня повязали. Не добился ничего и за это просидел три года за решеткой. Так герой я или дурак?»¹³ Воскресшая память о реальных событиях истории заставляет его самого усомниться в своем героическом прошлом. Борьба против псевдогероя, а по сути, «героя поневоле» Хартунга, заставляет его пересмотреть свое героическое прошлое: вся правозащитная деятельность псевдогероя ограничилась неудачно закончившейся попыткой помочь знакомому в раздаче листовок. Размышляя о своей судьбе при встрече с таким же «псевдогероем», Вишневский иронично констатирует, что «дураков на востоке и без того было достаточно, а вот героев не хватало, так что меня объявили заслуженным борцом за гражданские права»¹⁴. Так что перед нами еще один «герой поневоле». Интересен эпизод выступления Гаральда Вишневского в школе, куда его пригласили для рассказа о казарменных условиях жизни на Востоке: «Вишневский начинал злиться. На эту учительницу, на этих школьников, на этот день и эту осень. На самого себя. <...>».

– Может. Мы и были беднее некоторых людей с запада, но у нас не было ни безработных, ни бездомных. Жилье и еда обходились дешево. Дети ездили в летние лагеря, а в школе на переменах нам давали клубничное и шоколадное молоко <...>.

Вишневский, к собственному удивлению, вдруг заговорил классическими аргументами ностальгирующих по ГДР, обычно это не входило в его программу.

– Мы не были одни, мы всегда были вместе. Не существовало частных репетиторов, мы сами помогали друг другу с уроками. Отличное было время! – Вишневский вдруг почувствовал себя очень хорошо.

Девочка подняла руку:

– Если тогда было так хорошо, почему же вы боролись против всего этого?»¹⁵.

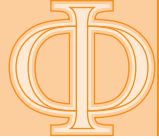
Метаморфозы личностного восприятия истории и «остальгическое» восприятие бывшей родины – Восточной Германии – в книге Максима Лео свойственны

¹² Лео М. Герой со станции Фридрихштрассе / пер. с нем. А. Приймак. СПб.: Polyandria NoAge, 2024. С. 212.

¹³ Там же. С. 213.

¹⁴ Там же. С. 215.

¹⁵ Там же. С. 102.

не только бывшему стрелочнику Михаэлю Хартунгу, но и Гаральду Вишневному. На пути к этому и чиновник государственного аппарата Берлина Хольгер Рёсляйн. Все они, попадая в трагикомические ситуации, начинают экзистенциально так или иначе в контексте трагикомических ситуаций вынужденно экзистенциально переоценивать как глобальные события, так и их мифологическую трансформацию.

Произведение Максима Лео имеет открытый финал. Читатель так и не узнает, как сложится судьба несостоявшегося «героя поневоле» после его неожиданного признания в момент официального торжества в честь Объединения в присутствии президента, международных деятелей, в том числе и Михаила Горбачева, когда бывший стрелочник и неудавшийся предприниматель объясняет своим простым соотечественникам и власть предержащим, что, наконец, может привести их к желанному взаимопониманию: «Политики, историки, журналисты, издатели, кинопродюсеры, издатели. У всех у них были две общие черты: они все родились на западе и хотели разъяснить мне, что такое восток <...>. Мы как братья и сестры, выросшие при разведенных родителях. У нас одна кровь, но нет совместного опыта. Тридцать лет мы ищем правду, которая удовлетворит всех, но чем дольше длятся эти поиски, тем сложнее становятся наши отношения. Иногда мне кажется, что маленькая история любви пойдет нам на пользу»¹⁶. Мы не найдем в произведении Максима Лео душераздирающих трагедий, экшена или преследований, в этом повествовании много противоречивых и неоднозначных персонажей, иронии и юмора, с которым автор представляет нам своих неоднозначных «героев поневоле».

Выводы. Размышляя над причинами появления феномена «остальгии», профессор К. Шрёдер (Klaus Schroeder) (Свободный университет Берлина) констатирует то, что «жизнь в ГДР была для многих более понятной и простой»¹⁷. Сходное высказывание встречаем у профессора и психоаналитика из Йены Юргена Хардта (Jurgen Hardt): «...в период воссоединения страны политики давали много обещаний, что будило много надежд, которые для большинства так и остались нереализованными»¹⁸. Ученый считает, что даже по прошествии десятилетий «осси» и «весси» остаются во многом непонятными и чуждыми друг другу. Об этом же высказывался и известный писатель Бернхард Шлинк в интервью «Нам нужно говорить» («Wir müssen reden»)¹⁹, замечая, что после Объединения Германии от бывших восточных немцев ждут безоговорочного принятия правил жизни западных немцев и осуждения их социокультурного прошлого на Востоке. Процесс ментального объединения может оказаться длительным, поскольку Берлинскую стену было разрушить проще, чем «стену», все еще существующую

¹⁶ Лео М. Герой со станции Фридрихштрассе / пер. с нем. А. Приймак. СПб.: Polyandria NoAge, 2024. С. 285–286.

¹⁷ Материалы интервью: «Остальгия»: психология памяти, или почему восточные немцы с теплом вспоминают о ГДР // «Остальгия» в литературе объединенной Германии [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-97220602_2914 (дата обращения: 28.01.2025).

¹⁸ Там же.

¹⁹ «Wir müssen reden» // chrismon. Das evangelische Magazin. 2022. No. 1. S. 38–40.

в сознании людей. Характерно в этом плане название лекций, прочитанных в Институте исследований Германии: «Еще сто лет со стеной? Разделенная Германия до и после мирной революции».

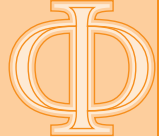
Однако у феномена «остальгии», на наш взгляд, есть еще один аспект, отмеченный Д. Бойером, профессором антропологии из Университета Райса. Феномен «остальгии», с его точки зрения, уходит корнями в историю Германии. Ученый предлагает наряду с *Ostalgie* ввести в оборот неологизм *Westalgie*, который, подобно так называемой восточногерманской ностальгии, представляет собой иллюзию своеобразной западногерманской утопии. Наличие этих феноменов Д. Бойер связывает с исторически сложившейся и идущей еще из раздробленности средневековой Германии тоской «по общему дому» – *das Heimweh* – с этим национальным прошлым и национальным бременем, для преодоления которого должна быть более гуманная и эффективная ментальная и социокультурная терапия, чем унижение достоинства восточных немцев [Boyer, 2006]. Анализируемые в данном исследовании произведения Максима Лео – яркое тому подтверждение.

Список источников

1. Лео М. Герой со станции Фридрихштрассе / пер. с немецкого А. Приймак. СПб.: Polyandria NoAge, 2024. 288 с.
2. Leo M. Der Held vom Bahnhof Friedrichstrasse. GmbH.: Kiepenheuer & Witsch, 2022. 304 S.
3. Leo M. Haltet Euer Herz bereit. Eine ostdeutsche Familiengeschichte. München: Karl Blessing Verlag, 2010. 271 S.

Библиографический список

1. Бурханова М.В. Специфика *Wendeliteratur* (литературы «поворота») в объединенной Германии // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2022. Т. 7, № 2. С. 104–119. DOI: 10.18522/2415-8852-2022-2-104-119
2. Мазенова М.В. (Бурханова). Берлин как художественный образ в литературе объединенной Германии // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 1 (80). С. 271–273.
3. «Остальгия»: психология памяти, или почему восточные немцы с теплом вспоминают о ГДР // «Остальгия» в литературе объединенной Германии [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-97220602_2914 (дата обращения: 28.01.2025).
4. Потёмина М.С. Восточнонемецкий монолог в рассказе Ф.К. Делиуса «Груши Риббека» // Балтийский филологический курьер. 2013. № 9. С. 92–96.
5. Потёмина М.С. Литературное поле Германии после Объединения // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2014. № 2. С. 74–81.

6. Потёмина М.С. «Остальгия» в литературе объединенной Германии // Балтийский филологический курьер. 2007. № 6. С. 237–249.
7. Barck, S. Fragmentarisches zur Literatur. In H. Schultz, & H.-J. Wagener (Eds.). *Die DDR im Rückblick: Politik, Wirtschaft, Gesellschaft, Kultur*. Berlin, Ch. Links Verlag, 2007.
8. Born, A. Wie die Literatur auf die Wende reagierte. Tagesspiegel. 2019, November 6. Retrieved from: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tagesspiegel.de/berlin/30-jahre-mauerfall-wie-die-literaturauf-die-wende-reagierte/25196334.html> (дата обращения: 12.04.2022).
9. Boyer, D. Ostalgie and the Politics of the Future in Eastern Germany. Cornell University. In: *Public Culture · April 2006* [Электронный ресурс]. DOI: 10.1215/08992363-2006-008. URL: https://www.researchgate.net/publication/31102722_Ostalgie_and_the_Politics_of_the_Future_in_Eastern_Germany#references (дата обращения: 28.01.2025).
10. Cosentino, C. Bernd Wagners Paradies: ironisch-utopische Dimensionen in der Post-Wende-Literatur. In: *Seminar: A Journal of Germanic Studies*, 2000, 36 (4). Retrieved from: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.utpjournals.press/doi/abs/10.3138/sem.v36.4.436> (дата обращения: 10.04.2022).
11. Gabler, W. Diskurs der Unbegreiflichkeit – Zur Geschichte der Wenderomane. In: R. Kollmorgen, F.T. Koch, & H.-J. Dienel (Eds.), *Diskurse der deutschen Einheit. Kritik und Alternativen*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2011, 167–192.
12. Gebert, A. Im Schatten der Mauer: Erinnerungen, Geschichten und Bilder vom Mauerbau bis zum Mauerfall. 1999 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amazon.com/Schatten-Mauer-German-Anke-Gebert-ebook/dp/B071GLMQCW?asin=B071GLMQCW&revisionId=f24249f6&format=3&depth=1> (дата обращения: 08.07.2023).
13. Kauffmann, M. Wende und Wiedervereinigung: Zwei Wörter machen Geschichte. In: H.J. Heringer, G. Samson, M. Kaufmann, & W. Bader (Eds.), *Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache*. Paris, Presses Sorbonne Nouvelle, 1994, 156–168.
14. Kersten, S. Mauerfall-, Post-DDR-, Vereinigungs-, Nachwende- oder doch Wendeliteratur? Eine kleine Expedition durch einen großen Begriffsdschungel. Schwerpunkt I: 25 Jahre Deutsche Einheit, 4. Retrieved from [Электронный ресурс]. URL: <https://literaturkritik.de/id/21125> (дата обращения: 10.04.2022).
15. “Wir müssen reden” // Chrismon. Das evangelische Magazin. 2022. No. 1. S. 38–40.

Сведения об авторе

Шарыпина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной литературы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-8585-8983>; e-mail: swawa@yandex.ru

TRANSFORMATION OF THE 'RELUCTANT HERO' NARRATIVE ARCHETYPE IN MAXIM LEO'S NOVEL "THE HERO FROM FRIEDRICHSTRASSE STATION"

T.A. Sharypina (Nizhniy Novgorod, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article is devoted to analyzing the transformation of the topic of Germany Union and its belonging to the phenomenon of 'ostalgia'. The relevance of the topic in the research is connected with the point based on the assimilation of east Germans in the United Germany.

The purpose of the research is the transformation of the 'reluctant hero' narrative archetype in the context of the metamorphosis of the 'ostalgia' phenomenon in Maxim Leo's novel "The Hero from Friedrichstraße Station".

Methodology. Cultural and historical, historical and literary, biographical methods are used to comprehend the specific of Maxim Leo's 'creative laboratory'.

Literature review. Works of Russian researchers M.S. Potemina, M.V. Burkhanova (Mazeno-va) as well as foreign researchers D. Boyer, A. Hebert, K. Consentino, J. Hart, C. Schröder are devoted to comprehending the literature about the United Germany.

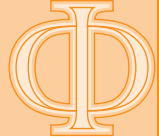
Research results. It has examined the process of medial and political designing of reality as the significant element of 'post-united' social consciousness based on the transformation of the 'reluctant hero' archetype in the novel "The Hero from Friedrichstraße Station" by Maxim Leo.

Conclusion. When the transformation of the 'reluctant hero' narrative archetype was analyzed in the context of the metamorphosis of the 'ostalgia' phenomenon in Maxim Leo's novel "The Hero from Friedrichstraße Station", the author of the article has come to the conclusion that appearing of phantom types of personality is connected with the specific of a particular period of social consciousness which emerges in the time of changes of governmental and social foundations within life. Besides, the author of the article concludes that the experience of studying the 'ostalgia' phenomenon as well as 'overcoming the past' is one of the ways to search for a new German national identity today.

Keywords: *ostalgia, the epoch 'after the turn' (Nachwendeliteratur), microhistory, microhistory, United Germany, 'reluctant hero'.*

References

1. Burhanova, M.V. Specifika Wendeliteratur (literatury "povorota") v ob"edinennoj Germanii [The specifics of "Wendeliteratur" (the literature of the "turn") in the united Germany]. In: *Praktiki i interpretacii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nyh i kul'turnyh issledovanij [Practices and interpretations: the journal of philological, educational and cultural investigations]*, 2022, 7 (2), 104–119. DOI: 10.18522/2415-8852-2022-2-104-119

2. Mazenova, M.V. (Burhanova). Berlin kak hudozhestvennyj obraz v literature ob"edinennoj Germanii [Berlin as an artistic image in the united Germany literature]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education], 2020, 1 (80), 271–273.
3. "Ostal'giya": psihologiya pamyati, ili pochemu vostochnye nemcy s teplom vspominayut o GDR ["Ostalgia": the philosophy of memory, or why East Germans look back on GDR with warmth]. In: *"Ostal'giya" v literature ob"edinennoj Germanii* ["Ostalgia" in the united Germany literature]. URL: https://vk.com/wall-97220602_2914 (access date: 28.01.2025).
4. Potyomina, M. Vostochnonemeckij monolog v rasskaze F.K. Deliusa "Grushi Ribbeka" [East German monologue in F.K. Delius' short story "Ribback Pears"]. In: *Baltijskij Filologicheskij Kur'er* [Baltic Philological Courier], 2013, 9, 92–96.
5. Potyomina, M.S. Literaturnoe pole Germanii posle Ob"edineniya [The literary field in Germany after the Union]. In: *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psihologiya* [The Immanuel Kant Baltic Federal University Academic Journal], 2014, 2, 74–81.
6. Potyomina, M.S. "Ostal'giya" v literature ob"edinennoj Germanii ["Ostalgia" in the united Germany literature]. In: *Baltijskij filologicheskij kur'er* [The Baltic philological messenger], 2007, 6, 237–249.
7. Barck, S. Fragmentarisches zur Literatur [Fragmentary literature]. In: H. Schultz, & H.-J. Wagnere (Eds.), *Die DDR im Rückblick: Politik, Wirtschaft, Gesellschaft, Kultur* [Fragmentary literature of GDR in retrospect: politics, economy, society, culture]. Berlin, Ch. Links Verlag, 2007. 336 p.
8. Born, A. Wie die Literatur auf die Wende reagierte [How literature reacted to the change]. In: *Tagesspiegel*. 2019, November 6. URL: <https://www.tagesspiegel.de/berlin/30-jahre-mauerfall-wie-die-literatur-auf-diewende-reagierte/25196334.html> (access date: 12.04.2022).
9. Boyer, D. Ostalgie and the Politics of the Future in Eastern Germany. Cornell University. In: *Public Culture* · April 2006 [Electronic resource]. DOI: 10.1215/08992363-2006-008. URL: https://www.researchgate.net/publication/31102722_Ostalgie_and_the_Politics_of_the_Future_in_Eastern_Germany#references (access date: 28.01.2025).
10. Cosentino, C. Bernd Wagners Paradies: ironisch-utopische Dimensionen in der Post-Wende-Literatur [Bernd Wagner's Paradise: ironic-utopian dimensions in Post-Wende-Literature]. In: *Seminar: A Journal of Germanic Studies*, 2000, 36 (4). URL: <https://www.utpjournals.press/doi/abs/10.3138/sem.v36.4.436> (access date: 10.04.2022).
11. Gabler, W. Diskurs der Unbegreiflichkeit – Zur Geschichte der Wenderomane [Discourse of incomprehensibility – on the history of the Wenderomane]. In: R. Kollmorgen, F.T. Koch, & H.-J. Dienel (Eds.), *Diskurse der deutschen Einheit. Kritik und Alternativen* [Discourses of German reunion. Criticism and alternatives]. Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2011, 167–192.

12. Gebert, A. Im Schatten der Mauer: Erinnerungen, Geschichten und Bilder vom Mauerbau bis zum Mauerfall. 1999 [Electronic resource]. URL: <https://www.amazon.com/Schatten-Mauer-German-Anke-Gebert-ebook/dp/B071GLMQCW?asin=B071GLMQCW&revisionId=f24249f6&format=3&depth=1> (access date: 28.01.2025).
13. Kauffmann, M. Wende und Wiedervereinigung: Zwei Wörter machen Geschichte [Reunification and reunification: two words make history]. In: Heringer, H.J., Samson, G., Kaufmann, M., & Bader, W. (Eds.), *Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache [Tendencies of the contemporary German language]*. Paris, Presses Sorbonne Nouvelle, 1994, 156–168.
14. Kersten, S. Mauerfall-, Post-DDR-, Vereinigungs-, Nachwende- oder doch Wende-literatur? Eine kleine Expedition durch einen großen Begriffsdschungel [Fall of the Wall, post-GDR, unification, post-reunification or even Wende literature? A small expedition through a big jungle of terms]. In: *Schwerpunkt I: 25 Jahre Deutsche Einheit [Focus I: 25 years of German Unity]*, 2015, 4. Retrieved from: URL: <https://literaturkritik.de/id/21125> (access date: 10.04.2022).
15. “Wir müssen reden” In: *chrismon. Das evangelische Magazin*, 2022, 1, 38–40.

About the author

Sharypina, Tatiana A. – DSc (Philology), Professor, Head of the Department of Foreign Literature, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia); ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-8585-8983>; e-mail: swawa@yandex.ru